

трансформации и воспроизводства социальных сил творчества актуальной информации. Как будем жить дальше? Поймем ли, что наша земля - это земля наших предков и поэтому мы можем жить лучше, если сумеем следовать мудрости культурной памяти своего народа. В условиях глобализации этнические формы мудрости превращаются в творческую силу личности субъекта трансформации общества.

Литература

1. Maceina, A. Tautinis auklėjimas. Kaunas: „Šviesa“, 1991, 245.
2. Jonas Paulius II. Atmintis ir tapatybė. UAB „Katalikų pasaulis“ leidykla, 2005.
3. Augustinas Aurelijus. Išpažinimai. Vilnius, Ardor, 1998. p. 271. Kalinauskas, R. Tauta ir valstybė. Iš: Energoentropiniai žmoniškumo pagrindai, Vilnius: Petro ofsetas, 1999, p. 191-264.
4. Gudavičius E. Lietuvos istorija. Vilnius, Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1999, p.634-645.
5. Raičinskis, K. 60 - ties metų ieškojimai ir atradimai po Majos skraiste. I, II t. Kaunas - Alytus, 1992, 1993.
6. Srėbalius, J. Patriotinė socialinio tikslo tvėrmė tėvynėje. *Sociologija: praeitis ir dabartis*. Mokslinės konferencijos pranešimų medžiaga. Kauno technologijos universitetas, 1999, p. 181-184.
7. Srėbalius, J. Pilietinė tautiškumo būtis globalizacijos procese. *Socialinė tikrovė ir subjektas*. Konferencijos pranešimų medžiaga. Vilnius, Lietuvos MA, 2000, p. 48-51.
8. Srėbalius, J. Kultūros vaidmuo globalizacijos procese. *Gedimino universitetas*, 2002, Nr. 4, p. 20-21.
9. Srėbalius, J. Globalizacijos iššūkis tautiškumui. *Gedimino Universitetas*. 2004, Nr. 5, p. 25-28.
10. Srėbalius, J. Filosofija ir folkloras. *Gedimino Universitetas*. 2005, Nr.4, p 21-24.
11. Сребалюс, И. Функция этноса в системе единения интересов постсоциалистического общества. *Славянские страны в условиях системной трансформации и европейской интеграции*. Сборник научных трудов. Брест, БГТУ, 2005, 53 - 57.
12. Srėbalius, J. Tamašauskas, P. Tautos atminties jėga ir interesų dėmė. *Gedimino Universitetas*. 2006, Nr. 1
13. Srėbalius, J. Globalizacijos iššūkis tautiškumui. *Asmenybė ir kultūra*. Mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius, VGTU, Humanitarinis institutas, 2006, 5 – 18.
14. Tomlinson, J. Globalizacija ir kultūra. Vilnius: Mintis, 2002, p. 23-27.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

А.А.Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Содержательное отличие постиндустриального периода в развитии общества от индустриальных и доиндустриальных его стадий чаще всего демонстрируется на принципиальном различии трех основных секторов общественного производства – первичного, к которому относятся добывающие отрасли и сельское хозяйство, вторичного, включающего обрабатывающую промышленность (промышленное производство) и третичного – сферы услуг. Уже в конце 30-х годов XX века ряд экономистов предложил рассматривать общественное производство как совокупность трех названных секторов, однако наиболее систематизированное описание они получили в 1940 г. в известной работе К.Кларка [5].

Постиндустриальная концепция строится на методологии деления общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное в зависимости от роли и значения названных выше секторов хозяйства. Удельный вес этих секторов в обществе определя-

ется, согласно К.Кларку, уровнем производительности (выработки на данного работника) внутри сектора. Экономический прогресс, следовательно, определяется нормой перемещения рабочей силы из одного сектора в другой, и эта норма есть функция различной производительности труда в отдельных секторах. Таким образом, К.Кларк легко мог продемонстрировать переход от доиндустриального общества к последующим его типам.

Доиндустриальное общество – это общество с преобладанием первичного сектора жизнедеятельности. В индустриальном обществе первостепенное значение приобретает сфера производства, основанная на машинной технологии. Тенденции постиндустриального развития определяются резким ростом третичного сектора, т.е. сферы услуг с изменением структуры социальной стратификации. Речь идет о перераспределении областей занятости людей в сторону обслуживания самих себя: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия отдыха и развлечений, наука, образование, управление.

Содержательные элементы постиндустриальной парадигмы формировались в тесной связи с анализом процессов индустриального развития. Наиболее авторитетные теоретики индустриального общества А. де Сен-Симон, Э.Дюркгейм, М.Вебер, К.Кларк выделяли, к примеру, такие его признаки. Во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем превалирует порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания (А. де Сен-Симон). В индустриальном обществе экономическая система отделена от семейных уз, рабочее место – от домашнего очага. С распадом традиционного «коллективного сознания» основные убеждения должны быть организованы вокруг профессиональных норм и связываться воедино профессиональной этикой (Э.Дюркгейм). Во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет проникает во все области управления (М.Вебер). Позиция К.Кларка в отношении признаков индустриализма связана, как уже отмечалось, с его представлениями о вторичном секторе общественного производства.

«Для всех теоретиков индустриального общества (и в данном случае также для К.Маркса); - пишет признанный патриарх постиндустриальной доктрины Д.Белл, - точкой отсчета (или основным институтом) является промышленное предприятие, а в качестве стового хребта общества выступает социальная база машинного производства. С этой точки зрения все индустриальные общества имеют некоторые общие черты: повсюду распространена одинаковая технология; одинаково и качество технических и инженерных знаний (а также учебных заведений, которые их предоставляют); примерно одинаковы наборы профессий и видов труда. Если подходить к проблеме более широко, можно обнаружить, что в каждом обществе увеличивается доля технических работников по отношению к другим категориям занятых... и что управление требует в основном технических навыков. Индустриальные общества – это экономические общества организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения «больших результатов из меньших вложений» и выбора наиболее «рационального» типа действий» [1; 99-100].

Расцвет индустриальной эпохи пришелся на Западе и США на 30-е годы XX века, когда доля вторичного сектора как в структуре ВВП, так и в структуре занятости населения заняла устойчивое главенствующее положение. 50-е годы были последним периодом относительной стабильности. В это время доля промышленного сектора в экономике развитых стран мира достигла максимума, незначительно увеличившись по сравнению с по-

казателями 30-х годов. Например, к 1955 году в США в обрабатывающих отраслях и строительстве было занято до 34,7% совокупной рабочей силы и производилось около 34,5% ВВП. В Германии, Великобритании, Франции эти показатели были даже выше [2; 5].

С начала 60-х годов ситуация стала кардинально меняться. Научно-технический и технологический прогресс привел к сокращению числа людей, занятых в промышленности и снижению себестоимости соответствующей продукции при одновременном росте благосостояния народа. Все это вызвало огромный спрос на различного рода услуги: медицинские, образовательные, торговые, финансовые, бытовые, транспортные и т.п. Именно по этим тенденциям социальной динамики и были зафиксированы первые признаки постиндустриального общества как общества с доминированием третичного сектора общественного производства – сферы услуг.

Преобладание сервисной экономики связано с кризисом индустриальной эпохи, но не с ее гибелью. По мнению известного современного теоретика постэкономического общества В.Л.Иноземцева дальнейшая судьба индустриализма может быть прослежена в контексте оценки эволюции первичного сектора хозяйственно-экономической деятельности. Если в 1869 году в сельском хозяйстве США создавалось до 40% ВВП, то этот показатель, снизившийся до 14% по окончании Первой мировой войны, не превосходит ныне 1,4%. Еще около 1,6% ВВП приходится на все остальные подотрасли первичного сектора. Не менее очевидны изменения в структуре занятости: сегодня в аграрном секторе США занято менее 2% населения (44% – в 1880 г., 20% – в 1945 г.), причем с 1994г. статистические отчеты перестали отмечать фермеров в качестве самостоятельной значимой группы населения [2; 4-5]. Подобные тенденции имеют место и в европейских странах. «Резкое снижение роли в 70-е годы первичного сектора в мировой экономике, – пишет В.Л.Иноземцев, – впервые продемонстрировало, что трех- (или четырех-) секторная хозяйственная модель не является вечной и что в соотношении составляющих ее секторов могут произойти весьма серьезные изменения. В данном случае третичный сектор всего за какие-то двадцать лет фактически вытеснил на периферию экономики первичные отрасли промышленности в рамках развитых стран и сделал катастрофическим положением экспортеров сырья и аграрной продукции. Вторичный сектор, в определенной мере остававшийся в стороне от основного противостояния, пережил серьезные внутренние трансформации, но в целом сохранил свое значение. Кризисные явления обнаружили себя в то время, когда третичный сектор занял доминирующую роль в экономике. Отсюда вытекает достаточно правдоподобный вывод: новая волна кризисных явлений неизбежна, когда в постиндустриальных странах в полной мере даст о себе знать новый лидирующий сектор – информационный, когда он станет обеспечивать основную часть ВВП и занятости. При этом так же, как в 70-е годы, основным «пострадавшим» от экспансии третичного сектора стал сектор первичный; следующий удар будет нанесен именно по вторичному сектору, по сфере промышленного производства. И это станет концом индустриальной эпохи, прелюдией которого оказались события 1973 – 1981 гг» [2; 8].

Кроме сугубо экономических предпосылок кризиса индустриальной эпохи, внутри нее накапливались и духовно-культурные издержки социального развития. Индустриализм, концентрируя внимание на производственных достижениях, на технико-экономической эффективности жизни, зачастую не придавал должного значения собственно носителю этой жизни – человеку, его интересам, целям и ценностям. В таких условиях человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам и результатам, а нередко и самому себе. Индустриализм основан на «машинизированном» экстенсивном использовании человеческих и природных ресурсов,

что и обусловило попытки создать ориентированные на качество жизни формы производства, технологии социальной организации и коммуникации, подчеркивающие значение личностных аспектов бытия людей, возможности и условия их самореализации и духовно-культурного развития.

Говоря об интеллектуально-творческом потенциале индустриального общества, следует в первую очередь указать на востребованность главным образом его технико-производственных возможностей, то есть на интенсивное применение технических и технологических инноваций к сфере промышленного производства. В этом смысле можно говорить и о технократизме как отличительной черте индустриальной эпохи, имея в виду уже сферу организации власти и управления, где управление вещами, экономико-технологический рационализм доминируют над рационализмом духовно-культурным и даже политическим. В известной степени в таких условиях теряют смысл рассуждения о многих гуманистических ценностях и интересах.

Издержки социально-культурного, духовно-нравственного, гуманистического, экологического характера представляют неполный набор признаков серьезного кризиса индустриальной эпохи и ее современных продолжений и последствий. Сегодня нужна новая мировоззренческая парадигма, в рамках которой следовало бы определиться с приоритетами человеческих ценностей, императивами социо- и антропоприродных отношений, целесообразностью определенных видов человеческой деятельности, возникших в эпоху техногенного прогресса.

Постиндустриальная теория явилась, с одной стороны, попыткой преодоления кризиса индустриализма, а с другой стороны, осмыслением перехода общества в иное состояние развития на основе достижений индустриализации, повлиявших на изменение предпочтений и ценностей современного человека. Наиболее активно она стала разрабатываться с начала 70-х годов XX века усилиями таких известных авторов как Д. Белл, Р. Арон, У. Хармен и многих других, а также целыми научными коллективами.

Основной смысл этой теории заключается в обосновании возможности преодоления проблем технико-экономического роста и перехода к развитию культуры и человека, стимулированию духовно-гуманистической составляющей жизни. В отношении трансформации различных сфер деятельности общества процессуально и концептуально-методологически это выглядит следующим образом:

- в области профессиональной занятости и социальной трансформации приоритеты распределяются в направлении от работников тяжелого неквалифицированного труда, земледельческих работников – через труд инженеров и рабочих различных квалификаций – до деятельности специалистов сервисных отраслей экономики и творчества научной элиты.

- техника: сырьевая – энергетическая – информационная.

- задачи общества: «игра против природы» – «игра против рукотворной природы» - «игра между людьми».

- ведущий идеологический принцип («осевой принцип»): традиционализм, ограничение ресурсами и техникой принятия решений – государственный и частный контроль роста и принятия решений – центральная роль теоретического знания, основанных на нем инноваций и политики [1].

Основными признаками постиндустриального общества являются создание разветвленной цивилизованной экономики услуг (социального сервиса), доминирование в структуре социальной стратификации квалифицированных научно-технических специалистов,

исключительная роль теоретического знания и научнообоснованных решений, возможность самоподдерживающегося технологического развития на основе нетрадиционных образцов «интеллектуальной» техники.

Постиндустриальное общество, в отличие от общества индустриального, не рассматривает уже природу как только источник сырья для экстенсивного развития экономики. В этом смысле оно ориентировано не на объемы, а на качество продукции и ее разнообразие, на человека. Уровень квалификации, образованности, компетентности людей, занятых в производстве, становится условием его социальной эффективности, с одной стороны, и внутренним источником развития, с другой. Вовлеченные в производство люди утрачивают при этом сугубо материальную мотивацию своей деятельности, поскольку оказываются занятыми преимущественно там, где нужны интеллектуально-творческие, духовно-культурные качества. Утрата материальной мотивации социальной (в том числе производственной) коммуникации в условиях постиндустриального общества связываются также с предполагаемым достижением большинством населения (еще на стадии индустриального развития) такого уровня благосостояния, когда «давление непосредственной (материальной) нужды сокращается». «Это положение, - пишет В.Л.Иноземцев, - принято большинством теоретиков постиндустриализма, так как именно после того, как человек достигает материального благосостояния, позволяющего ему не задумываться об удовлетворении привычных потребностей, он начинает искать самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Современные социологи очень осторожно подходят к исследованию данного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни», и обращая внимание на то, что «дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает прежнего воздействия на поведение» человека» [3; 39-40].

В культуре постиндустриального общества немаловажное значение приобретает проблема преодоления стандартов. Она проявляется как в непосредственно экономическом отношении, так и в плане стимулирования творческой активности людей, развертывания межкультурных контактов, различных, в первую очередь диалоговых, форм общения и социальной коммуникации в целом. Ряд социологических исследований, призванных выявить «постматериалистический», в том числе духовно-коммуникативный характер постиндустриальных трансформаций, показал, что уже к середине 70-х годов в качестве основных достоинств того или иного вида деятельности чувства удовлетворения от проделанной работы и контактов (коммуникации) с людьми были поставлены на первое место большинством японских и американских работников. Не случайно в связи с этим было обращено внимание на постиндустриальное общество как на такую социальную организацию, где большая часть человеческой активности направляется не на взаимодействие человека с преобразованной им природой, что характерно для индустриального типа развития, а на реализацию коммуникативной интенции, образно предоставленной Д.Беллом как «игра между людьми».

Речь в данном случае идет не только о сфере «чистых» межличностных отношений, несвязанных напрямую с жизненноважным для общества производственным трудом. Сам труд, производство, экономика в целом приобретают особый коммуникативный статус. В свое время Э.Тоффлер предложил рассматривать экономику как состоящую из двух секторов: в одном люди производят товары для обмена, в другом делают вещи для себя. Один – это рыночный, или производственный сектор, другой – сектор производителя-потребителя, т.е. в системе наших рассуждений – коммуникативный сектор производства.

Каждый из этих секторов выдвигает свою собственную этику, свой набор ценностей, свое определение успеха.

«В период Второй волны (индустриальное общество – А.Л.) широкое распространение рыночной экономики – как капиталистической, так и социалистической, – отмечает Э.Тоффлер, – поощряло этику приобретения. Она дала только экономическое определение личного успеха. Продвижение Третьей волны (постиндустриальное развитие – А.Л.), однако, сопровождается... феноменальным ростом деятельности по принципу... «сделай сам.»... Все большее число работников, занятых производством для рынка, тратит свое время на абстракции – слова, числа, модели – и мало знает людей, если вообще, их знает... Напротив, в производстве-потреблении мы обычно сталкиваемся с более конкретной, непосредственной действительностью; производство-потребление предполагает прямой контакт с вещами и людьми» [4; 611-612].

Страны с так называемой переходной экономикой находятся сегодня перед выбором своих перспектив развития. Сочетание в большинстве из них элементов первичного и вторичного секторов экономики, естественно, накладывает ограничения на этот процесс. Поэтому один из возможных вариантов их дальнейшего развития – это сохранение подобного сочетания экономических укладов с постепенным отставанием от наиболее развитых государств. Худшее, что может здесь произойти – это возвращение в первичный сектор экономики и превращение в обыкновенный сырьевой источник. Второй вариант – повторение путей развития, которые прошли страны Запада и таким образом достижение достаточно высокого уровня жизни, не претендуя на заметный вес в мировом сообществе. Надежды на существование третьего сценария развития могут быть обусловлены современными тенденциями интеграции и универсализации социально-политических, общественно-экономических, научно-технических процессов, естественно, в их лучших проявлениях. Суть этого пути заключается в сочетании второго и третьего секторов экономики с устойчивой ориентацией при этом на постиндустриальное развитие. Данная ориентация будет означать перераспределение социальной активности путем минимизации затрат на индустриальную и еще больше – на аграрную экономику за счет научно-технических и культурно-технологических инноваций. Роль и значение аграрной и индустриальной сферы при этом не исчезает, как иногда истолковывают постиндустриальное развитие. Они приобретают подчиненный характер в структуре общественного производства и социальных интересов.

Постиндустриальная парадигма, естественно, не может претендовать на универсальное объяснение кризиса индустриального мира и изложение наиболее коротких путей его преодоления. По одним позициям она выглядит гипотетичной, по другим – слишком общей. Между тем, сегодня трудно найти социально-философские, общественно-экономические, социологические, культурологические, политологические исследования, где бы так или иначе не затрагивались идеи постиндустриального развития.

Говоря о слабых сторонах концепции постиндустриализма, мы в первую очередь имеем в виду попытки многих авторов (в какой-то степени и самого Д.Белла) «подогнать» эту концепцию под активно развивающиеся сегодня процессы информатизации общества, становления рынка информационных технологий, формирования новых форм коммуникации. Именно в силу указанных попыток чаще всего и происходит буквальное отождествление понятий постиндустриального и информационного общества. Несмотря на близость и относительную «родственность» этих понятий, они все же имеют ряд принципиальных различий. Информационное общество представляет собой новую самостоятельную стадию социально-экономического, научно-технологического и духовно-культурного развития постиндустриального мира. Эта стадия свя-

зана с переходом к четвертичному (информационному) сектору хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности.

Указание на самостоятельность (собственную состоятельность) информационного общества, его нетождественность классической версии постиндустриального общества, может следовать также из наметившихся сегодня тенденций информатизации индустриальных государств, таких, например, как Беларусь, Россия и др. В этих государствах активно развиваются процессы компьютеризации, формируются телекоммуникационные сети с выходом в мировое информационное пространство. К примеру, в России в последние пять лет отрасль связи и информации выступает лидером среди наиболее динамично развивающихся отраслей. По темпам роста она опережает нефтедобывающую, газовую и пищевую промышленность.

Однако процессы информатизации в ряде современных индустриальных государств представляют собой, скорее, социокультурное явление, нежели закономерные социально-экономические преобразования, которые лежат в основе серьезных социальных трансформаций, обуславливающих переход к новому типу организации общества.

Своеобразие ситуации заключается в том, что современный индустриальный мир способен трансформироваться в мир постиндустриальный неклассическим способом, т.е. минуя третичный сектор как отдельную фазу развития, который создавали наиболее развитые государства, чтобы вплотную подойти к четвертичному сектору и основанному на нем информационному обществу. «Информационный облик» ряда современных индустриальных государств формируется с опорой на четвертичный сектор хозяйственно-экономической деятельности и параллельное развитие при этом третичного сектора, т.е. экономики услуг.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999.
2. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. – 1999. -- №5.
3. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. – 1997. -- №10.
4. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
5. Clark C. Cjnditions of Economic Progress. L., 1940.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФЕНОМЕН «ПРИТВОРЯЮЩИХСЯ» КУЛЬТУР

Винокурова С.П.

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Ценность переломов в истории в конечном счете, определяется влиянием, которое оказывает новая нарождающаяся ситуация на духовную сферу. Именно поэтому интегральным показателем прогресса, своеобразным критерием качества трансформационных процессов в обществе выступает моральное самочувствие личности, направленность ее ориентаций, духовная основа и нравственная полноценность человеческих отношений.

Процессы обновления общества затронули глубинные пласты экономики, идеологии, культуры, породили многомерное поле противоречий, в которых привычные оценки подверглись сомнению, критике, переоценке, заставляя человека интенсивно искать новые основы духовного и нравственного развития.